

Ф. Э. ШЕРЕГИ: «ТОГДА Я И ПРИШЕЛ К ВЫВОДУ: СССР СТОИТ ПЕРЕД РАСПАДОМ»

Приезжая в Москву, я стремлюсь встретиться с теми, кто мне дорог, приятен, интересен. В основном — это социологи первых поколений, те, кто уже многие годы пользуется заслуженным доверием и уважением в нашем профессиональном цехе. В какой-то момент очередной беседы меня обычно спрашивают, долго ли я буду в Москве и кого увижу. Ответ на первый вопрос практически неизменный: 3-4 дня; на второй — более разнообразный, ибо каждый раз физически невозможно встретиться со всеми, с кем хотел бы. Но всегда я говорю о том, что буду у Франца Шереги. Отклик — стандартный: «... сто лет не видел(а)!... что он делает?». Сто — не сто, но реально называемые временные интервалы — немалые: 10-15-20 лет. Как это так?

Первая причина: Шереги всегда безумно много работал и остается верен себе. В последние годы им проведено огромное число прикладных социологических исследований по широчайшему спектру проблем, он — один из пионеров маркетинговых исследований в России, он много пишет и регулярно издает. Только в этом веке им самостоятельно или в соавторстве опубликовано более десяти книг, некоторые из которых по 500-600 страниц. Это итоги прошлых и сегодняшних исследований.

Вторая причина: Шереги не любит «тусовку», ему милее — более глубокие формы общения. Его не прельщают дискуссии, ему много ближе, роднее внутренний диалог. Но он не нелюдим: он многих знает, и его многие знают. Созданный и руководимый им Центр социального прогнозирования публикует не только свою продукцию, Францем безвозмездно издан ряд книг советских/российских социологов, причем даже тех, с логикой и выводами которых он не согласен.

Шереги обладает удивительным чувством понимания развития социальных процессов, он объясняет это особенностями среды, в которой прошла его ранняя социализация. Во многом он прав. Но есть в человеке и нечто, существующее в нем «сразу», до начала освоения им мира. У Франца — это способность видеть социальное время. Заверяю, что вывод, вынесенный в заголовке этого текста, он обсуждал со мною, когда в социальной атмосфере СССР не было и намека на «перестройку».

Борис Докторов

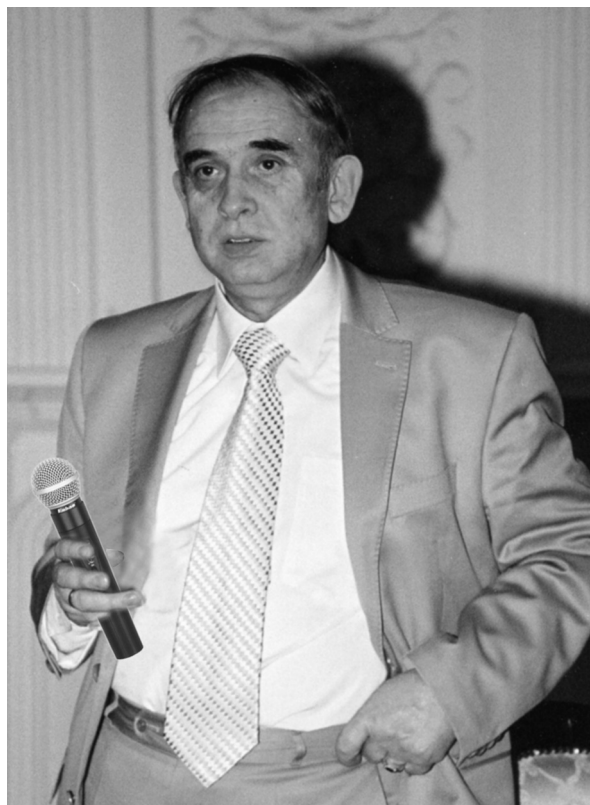
1. Сначала была «социологическая академия»

Нередко я интересуюсь тем, почему наши коллеги стали социологами, хотя их ответы скорее раскрывают, как, в силу каких обстоятельств они выбрали этот путь. Тебе я не стану задавать вопрос «почему?», а потихоньку начнем раскрывать «как ты стал социологом»...

С детства у меня не было однозначной мечты или цели — кем стать? Мое понимание смысла жизни, социально ценностям жителей малого городка Виноградов (до вхождения Прикарпатского края в состав СССР в 1946 г. город назывался Севлюш), воплощалось в понятии «семья». Все остальное — это для обеспечения условий жизни семьи. С таких позиций кем и где работать для меня не являлось ценностью, но лишь конкурентоспособным средством, призванным удовлетворить не мои личные профессиональные амбиции или «таланты», а потребности семьи. Этот приоритет у меня сохранился по сей день, поэтому свое занятие прикладной социологией считаю рутинным инструментом заработка на жизнь, и не более того.

Естественно, как и все в молодости, у меня были планы реализовать себя в профессии, но то были мимолетные увлечения: стать священником (католическим, так как в этой церкви я посещал курсы), поэтом или писателем, мясником (пойти по стопам отца), а в выпускном (10-м) классе школы — юристом или философом. В итоге, после семи лет обучения в венгерской и трех лет обучения в русской школе, я поступил на математическое отделение физико-математического факультета Ужгородского университета (столица Закарпатья). Проучился один год (на украинском и русском языках) и со второго курса меня забрали в армию, по причине послевоенной «демографической ямы» забирали всех студентов 1-3 курсов. И три года прослужил под Москвой. После окончания службы, будучи женатым и с ребенком, обучение в университете продолжил заочно; три последних года — экстерном,

так как жил я в Московской области, а обучение продолжал в Ужгороде. Кстати, в аспирантуре Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР я начал обучение в 29 лет (в 1973 г.), продолжая работать переводчиком на двух работах. Так что и здесь обучение фактически проходило как бы заочно. В итоге систематического высшего образования я не получил и считаю себя «самоучкой».

Если можно, поясни, как ты оказался в среде социологов...

Это произошло случайно, пытался уйти от изнуряющей рутины переводческой работы с венгерским языком, который и по сей день является для меня родным. Получилось так, что работая с 1968 года переводчиком-синхронистом в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я переводил лекции, семинары, зачеты и экзамены по философии, политэкономии, истории КПСС, научному коммунизму, международному рабочему движению, а с 1971 года — по прикладной социологии, которые читал проректор по науке ВКШ — Владимир Смирнов, социолог из города Горького (теперь — Нижний Новгород), и многим другим гуманитарным предметам. Также приходилось переводить выступления делегатов на съездах, конференциях различных политических и общественных организаций; при этом до 1971 года я продолжал заочно изучать математику в Ужгородском университете. Таким образом, непроизвольно я получил и гуманитарно-политическое (естественно, марксистское) образование.

Мне нравилось переводить лекции по философии и прикладной социологии. Последняя мне импонировала своей рациональностью и связью с математикой. В августе 1973 года я случайно прочитал в газете «Вечерняя Москва» объявление о приеме в аспирантуру ИКСИ АН СССР. Так как я подсознательно уже искал возможность сменить специальность переводчика, то по наивности подал документы в аспирантуру на заочное отделение. По наивности потому, что в советские времена «с улицы» в аспирантуру не поступали, как правило, места были распределены заранее. Реферат я подготовил по выборочным методам в социологии. Еще до вступительных экзаменов в Отделе аспирантуры мне предложили переписать заявление на очное отделение, что я и сделал. В последующем я узнал, что инициатором этого был Владимир Эммануилович Шляпентох [1], меня лично не знавший, но рецензировавший мой реферат по выборочным методам.

В итоге «случайно» я поступил в аспирантуру и мне назначили руководителем Шляпентоха. Сектором, к которому я был прикреплен, руководил Андрей Григорьевич Здравомыслов [2]. Здесь же работали Эдуард Андреев, Ольга Маслова, Елена Петренко [3].

Да, глядя в прошлое, можно сказать, что ты попал в очень сильный научный коллектив. Как началось обучение?

Ты знаешь, я довольно быстро осознал, что подобно мольтеровскому персонажу из пьесы «Мещанин среди дворян» — «говорю прозой». Иными словами, социологии в аспирантуре я не учился, просто расширил свой кругозор о социологах и углубил — по методам прикладной социологии. Что касается собственно «социологического видения» социальных проблем, я им уже тогда владел полностью и более широко, чем советские социологи. Более того, при сдаче кандидатских экзаменов в аспирантуре мне приходилось снижать свой уровень до «коммунистических догматов», иначе я бы их не сдал (я не имею в виду собственно марксизм, который изучал с интересом).

Я не делал различий в восприятии текстов советских или иностранных социологических работ, для меня они представляли собой только источник информации для сопоставления с моими личными взглядами, полностью автономными и в советское, и в нынешнее время. Именно этим объясняется тот факт, что в своих работах я никогда никого из социологов или философов не критиковал, относясь к ним только с позиции коллегальности и права на собственное автономное мнение, но в то же время «единицы раз» (в конце 70-х — начале 80-х го-

дов) участвовал в научных симпозиумах, и никогда — в научных конференциях или конгрессах, то есть сознательно избегал и по сей день избегаю массовой научной коммуникации.

Я пришел в советскую социологию случайно, причем как «белая ворона» и остался «белой вороной» и в российской социологии. Иначе говоря — пришел в социологию «ниоткуда», «побродил» в кулуарах словно незванный, но «дикий гость», и остался в российской социологии как неудобный объект, который в какой-то мере мешает, но к которому «притерлись» и мимо которого можно проходить не замечая, коли в нем нет надобности. Меня такое положение в целом удовлетворяет, так как и о советской, и о российской социологии я очень невысокого мнения и ностальгии по ней никогда не испытывал и не испытываю по сей день.

Пожалуй, это все так... Но если не аспирантура, то что предопределило твою склонность к анализу социальных процессов?

Укажу три причины, вытекающие из условий моей социализации.

Первая причина — географическое расположение Закарпатья. Это географический центр Европы, в котором сталкивались политические интересы различных государств. В течение первой половины XX века — да и ранее, в течение 800 лет — эта область являлась территорией Австро-Венгрии, после первой мировой войны — Румынии, потом Чехии, в 1938 году часть области выделена в самостоятельное государство «Закарпатская Русь» со столицей в городе Хусте, потом снова отошла Венгрии, после войны преобразовалась в Закарпатскую Украину, в итоге — вошла в состав Советского Союза как Закарпатская область. Население области не успевало переучивать «государственные языки», гимны и законы.

Вместе со сменой государств, поглощавших область, менялись и политические системы: капитализм, «мелкодержавный» шовинизм, фашизм, в итоге в 1948-49 годах национализация, создание колхозов и установление социализма. Это способствовало формированию у населения социального иммунитета по принципу: «кесарю кесарево, а я сам себе на уме». Эта неподверженность никакой политической идеологии и скептицизм относительно законодательств характеризует население Закарпатья по сей день. Она же является основой умения самостоятельно анализировать любые политические и социальные процессы, делать независимые выводы и принимать автономные решения. Так «от природы» я стал *политиком*.

Вторая причина — национальный и этнический состав населения. Испокоин веков область населяли горные украинцы (гуцулы), русины (в долине), венгры, румыны, словаки, немцы, австрийцы, евреи, с 1946 года — русские. Не принимая государственной идеологии, коренное население самоидентифицировалось по конфессиям. В каждом селе имелось по 1-2, а в небольших городах — по 4-5 церквей: униатская (византийская, или греко-католическая), римско-католическая, протестантская, православная, иудейская, кроме того, секты пятидесятников, субботников, иеговистов и др. Совместное существование и оппозиция меняющимся государствам, попеременно поглощавшим область, способствовало выработке у населения этнической и конфессиональной толерантности и солидарности. Все с детства говорили на 2-3 языках, в зависимости от национального состава населения города, в частности — дома и в школе на родном языке, в официальном общении или в случае незнания языка собеседника — на официальном государственном языке соответствующего периода; в период СССР — на русском. В такой среде я стал чувствовать и понимать суть *межэтнических и межконфессиональных отношений* «своим нутром».

Этому способствовало и то, что я вырос в интернациональной семье: мать — еврейка, отец по матери — австриец, по отцу — венгр, жена — русская. В закарпатской среде было принято гордиться этнической и конфессиональной принадлежностью, при этом не кичась и уважая этническую и конфессиональную принадлежность других. Выдавать себя за кого-то другого было равноценно лишиться человеческого обличия. Кстати, в этом отношении в Москве я столкнулся с ранее мной невиданными масштабами этнической и конфессиональной мимикрии, для меня ставшими очевидными только в начале 1990-х годов, после распада СССР. В советский период по своей наивности я не мог даже предположить возможность «раздвоенной» этнической жизни в столь массовом масштабе.

Третья причина — личный жизненный опыт, в существенной степени повлиявший на восприятие мной политических и производственных отношений.

Личный политический опыт заключался в том, что все население Закарпатья формировалось в капитализме и примерно до 1960-х годов социализм воспринимало как временное явление, равно как и советскую «окупацию». В течение семи лет в венгерской школе меня учили «капиталистические» учителя. Через страдания матери, по причине ее национальности, меня лично затронули как немецко-венгерский фашизм, так и сталинские репрессии (в период «дела еврейских врачей»).

Что касается формирования моих социально-экономических воззрений, то они станут понятными, если я только перечислю профессии, по которым работал: сельскохозяйственный рабочий в полеводстве, садоводстве; сапожник, пекарь, мясник, артист венгерского народного театра, студент университета, военнотрудовой, заведующий библиотекой, учитель венгерской школы, репетитор по подготовке к поступлению в вуз по математике, физике и французскому языку; переводчик-синхронист венгерского языка в политической системе и в войсках (на пограничных курсах высшего офицерского состава), аспирант, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, преподаватель вуза, предприниматель.

Приехав в Москву из Центральной Европы и имея богатый личный опыт всевозможных социальных отношений, в том числе и капиталистических, я считал себя в социальном отношении более зрелым, чем советские социологи. Думаю, что история подтвердила мою правоту.

Франц, как вам в школе объясняли вхождение Западной Украины в СССР? Наверное, дома вы слышали иную версию?

Общепринятая официальная версия была простая — советские войска освободили земли Украины. Нас эта, да и любая иная официальная версия «не коробила», так как все мы, кстати, даже местные украинцы (гуцулы) и русины, обладали превентивным «генетическим» иммунитетом недоверия к любой официальной информации — и советской, и несоветской — даже если она была объективной. Отчуждение населения Закарпатья от любой государственности как института власти всегда было абсолютным.

Как ты и окружавшие тебя люди воспринимали события 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии? Видать, иначе, чем жители других регионов СССР.

События в Венгрии мы воспринимали с надеждой на падение тоталитаризма и изменение судьбы области (возвращение ее Венгрии или Чехии, ибо среди населения области бытовало мнение, что Закарпатье отошло СССР лишь сроком на 12 лет, в виде «контрибуции», со-

гласно Тегеранскому соглашению). Аналогично воспринимали и события в Чехословакии. В начальные дни чехословацких событий я переехал жить в Московскую область (июль 1966 года) и начал работать переводчиком в Высшей комсомольской школе. Я и здесь открыто выражал сомнение в правильности решения о вводе советских войск в Чехословакию. Коллеги и декан иностранного факультета, где я работал, пытались аргументировать необходимость такого шага, но не пытались переубедить меня, считая, что я «с провинции», да еще не русский, а посему политически и идеологически незрелый. Кстати, такая позиция давала мне определенные преимущества: я мог говорить свободно и без последствий то, за что других, как минимум, уволили бы с работы.

Можно сказать, что еще до поступления в аспирантуру ты получил образование в «социологической академии».

Пожалуй, так. Потому свои социологические «опусы» я пишу «от жизни», а не по заученным шаблонам. Естественно, я знал многие работы западных социологов, изданных в Венгрии без всякой цензуры. Однако в шаблонах никогда не нуждался и не нуждаюсь: ни в советских, ни в западных, при всем моем уважении к профессиональной деятельности и советских, и западных социологов.

К социализму с начала 1960-х и до начала 1980-х годов я относился лояльно, особенно к провозглашавшимся моральным принципам. Более того, состоял в КПСС в течение 25 лет, вступил во время службы в армии. По социально-философским и экономическим взглядам по сей день считаю себя марксистом, и эту свою позицию вряд ли изменю. Что касается логических методов теоретической социологии — я гегельянец.

2. «Вхождение» в советскую социологию.

До поступления в аспирантуру, ты все же был знаком с общими положениями советской социологии?

До 1973 года о социологах я знал мало. Будучи занятым в вузовском учебном процессе как переводчик, я был информирован, что наибольшей популярностью в вузах, где преподавали прикладную социологию (таких было немного) пользовались учебники В. Ядова [4], А. Здравомыслова и Г. Андреевой. Как безукоризненные в дидактическом плане, эти книги не смогла заменить даже изданная в последующем Институтом социологии «Рабочая книга социолога». Среди аспирантов и преподавателей популярностью пользовались также книги В. Шляпентоха по проблемам достоверности социологической информации. Ни с кем из социологов я лично знаком не был и познакомился только в аспирантуре.

Мое первое впечатление об ИКСИ АН СССР было восторженным. Придя из политической системы, где в производственных отношениях господствовала строгая иерархия, я был поражен открытием для себя академической демократии, особенно у социологов, которая мне показалась сродни западной демократии. Ранее подобных производственных отношений в СССР я нигде не встречал. Увиденное с самых первых дней укрепило меня во мнении — в правильности которого я уверен и сегодня, — что советские социологи явились не только важным предвестником демократических перемен в СССР, но и приложили большие усилия для приближения этих перемен.

Будучи хорошо знаком с практикой преподавания исторического материализма, научного коммунизма и прикладной социологии, в последующем я сделал вывод, что институционализация прикладной социологии в СССР явилась следствием разделения труда в рамках марксист-

ского обществоведения в связи с давлением молодого поколения обществоведов, и не только. Этого также требовало нарастающее карьерное давление молодых кадров политической системы; в 1970-х годах возраст Первого секретаря ЦК Комсомола был около 50 лет.

Процесс разделения труда в общественных науках я наблюдал со студенческих лет. Уже в начале 1960-х годов «лишние» партийные кадры, имевшие военные заслуги, но не имевшие достаточного образования, направлялись на работу директорами школ или, в редких случаях, в вузы преподавателями истории КПСС. В 1970-х годах внутрипартийная конкуренция обострилась и партийных функционеров стали направлять в аспирантуру для подготовки преподавателей гуманитарных дисциплин для вузов; чаще всего они становились заведующими кафедрами.

Чтобы мест в вузах хватило для всех «перемещенных» партийных кадров, началось расширение и дробление общественных дисциплин, преподавание которых было обязательным и на естественнонаучных, и на технических факультетах вузов. Говоря о расширении, я имею в виду появление таких курсов, как: научный атеизм, международное рабочее движение, колониализм и неоколониализм. «Дробить» же начали исторический материализм, дополнив его научным коммунизмом (в странах Восточной Европы — научным социализмом) и в ограниченных масштабах легализовав прикладную социологию. Этим объясняется тот факт, что в советскую, тем более — в российскую — социологию многие специалисты, даже среди известных социологов, пришли с партийных и комсомольских должностей или после окончания Института международных отношений. Это были не состоявшиеся дипломаты, но хорошо владевшие иностранными языками и способные освоить опыт западной прикладной социологии.

По большому счету развитие прикладной социологии в СССР (равно как и в Венгрии, Польше и т.д.) с позиции мировой общественной науки было *сугубо внутренним делом страны*. Советские социологи наверстывали упущенное за годы тоталитаризма и, по моему мнению, представителей западной социологии этот процесс интересовал лишь в политическом плане — удастся советской социологии выжить, или не удастся, и в какой степени она сможет интегрироваться в международную социологическую коммуникацию.

Такая позиция вполне естественна, так как предмет прикладной социологии — преимущественно проблемы конкретного («собственного») общества или государства. Гиперболизация социологических проблем в СССР происходила по инициативе отечественных социологов, в первую очередь не как процесс интенсивного развития научных знаний, а как вуалированное проявление профессиональной конкуренции.

В связи с этим отмечу еще одну особенность советской социологии, удивившую меня еще в аспирантуре — невероятное число межличностных конфликтов, вроде бы по поводу научной корректности позиций исследователей. Эти дискуссии, порой перераставшие во взаимное «хаяние» и в кулуарах, и на страницах изданий, в значительной степени уменьшали коллегиальность в развитии зарождавшейся вновь советской социологии.

Итак, ты многое знал, но было что-либо, оказавшееся для тебя неожиданным?

В аспирантуре, во время работ в научных библиотеках, я был приятно удивлен открытием для себя богатой практики прикладной социологии в СССР в 1920-х годах, в последующем в специальной статье в журнале «Социологические исследования» я обобщил методический опыт этих исследований. Но удивляло меня и то, что большинство советских социологов обращались к этому

опыту редко, предпочитая изучать опыт западных социологов. Хотя понять их можно — требовалось быстрее наверстать упущенное.

Я вошел в советскую социологию как «ученик», когда она уже стала легитимной, и моим намерением было «освоить науку у ученых» (с детства к учителям, независимо от обстоятельств, я относился только с уважением и благодарностью). В первый год обучения в аспирантуре я не дифференцировал советских социологов по «учености», а дифференцировал только по критерию «знаю — не знаю» и стремился больше узнать о всех специалистах в стране, занимавшихся социологией в исследовательских институтах или вузах.

Начитавшись социологических изданий, примерно через год я стал дифференцировать социологов по критерию «ученый — идеолог». В итоге в составе первого поколения социологов к *ученым* я отнес и по сей день отношу Б. Грушина [5], В. Ядова, А. Зравомыслова, В. Шляпентоха, А. Харчева, Т. Заславскую [6], Б. Фирсова [7], Б. Докторову [8], И. Кона, Г. Андрееву, В. Шубкина.

Франц, приятно оказаться в такой великолепной команде, но ты понимаешь, что к первому поколению я никак не принадлежу...

...Остальных я отношу к «идеологам». Это отнюдь не умаляет профессиональной значимости многих других советских социологов, но прежде всего как идеологов или социальных философов. Вряд ли я ошибаюсь в оценке, так как работая в 1977-78 годах ответственным секретарем журнала «Социологические исследования», у меня была возможность узнать всех социологов страны, заказывая им статьи для журнала. «Научная импотенция» многих была поразительной.

Глядя в прошлое, как бы ты оценил роль власти в развитии советской социологии в 70-х годах.

В мою бытность аспирантом в социологии еще действовала цензура, поэтому проводить исследования было сложно, требовалось разрешение специальных органов. Кроме того, денег на исследования не выделяли, поэтому полевая стадия исследований (опросы) проходила на общественных началах, что не гарантировало необходимого качества. Однако энтузиазм исследователей был велик, и я его тоже разделял.

В то же время у меня нет оснований утверждать, что в 1970-х годах и далее советская власть подавляла прикладную социологию. Во-первых, в крупных университетах и в политических образовательных учреждениях преподавали курс прикладной социологии. Будучи аспирантом, в 1974-76 годах я лично читал курс — 60 часов — по прикладной социологии и социальной психологии на венгерском языке для руководителей венгерского союза молодежи в Высшей комсомольской школе. Также проводились исследования по идеологической тематике и вопросам политического управления. Подобные исследования проводились и профсоюзными организациями, и силовыми ведомствами (например, исследования по проблеме наркомании, проводившиеся Анзором Габани в пенитенциарных учреждениях Грузии). И если конфликты в академических институтах имели место, то порождали их сами ученые этих институтов своими бесконечными междоусобицами.

Наряду с московскими социологами у меня большое уважение вызывали ленинградцы, с которыми я познакомился благодаря твоему активному содействию, а также новосибирские социологи, во главе с Т. Заславской. В общем, за годы аспирантской учебы я познакомился с большинством советских социологов и как бы вошел в их среду.

Пожалуйста, припомни о работе с Анатолием Георгиевичем Харчевым и немного расскажи о нем. Он — бывший ленинградец и многим читателям «Телескопа» будет интересно прочесть о нем.

Еще до окончания аспирантуры А. Харчев, главный редактор журнала «Социологические исследования», пригласил меня в журнал ответственным секретарем (у двух предшествующих ответственных секретарей возникли конфликты с цензурой и их пришлось уволить). Я полтора года проработал в журнале.

Харчев был ученым с прагматическим стилем мышления, «железной» логикой и одновременно широким, системным видением. Занимаясь социологией семьи, он старался развить направление, которое, после его смерти и смерти Михаила Семеновича Мацковского в академических кругах оказалось забытым. Это был блестящий главный редактор первого советского периодического социологического журнала Академии наук. Он не только поднял журнал на уровень, который после него не смог удержать ни один главный редактор, но, умело используя редакционную коллегия, при помощи журнала поддерживал достойный уровень советской социологии, по сути, формировал научную культуру советской прикладной социологии. Посредством журнала он стимулировал развитие социологической культуры не только в академических кругах, но и в вузах, в том числе в провинции. Он стимулировал советских социологов делать и писать *свою* социологию, а не только переписывать западные работы. Как участник войны, самостоятельно прошедший через все ухабы карьерного роста, без чьей либо поддержки, он никогда не допускал компромисса в ущерб совести и морали. Он умел находить приемлемые решения с представителями партийной власти в том, чтобы журнал «Социологические исследования» сохранял свой научный облик и не оказался под давлением партийной идеологии. Его ранняя смерть явилась большой утратой для интеллектуально-ядра советской социологии.

После защиты кандидатской диссертации по квотной выборке я ушел работать старшим научным сотрудником в Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы. Это позволяло надеяться на решение жилищной проблемы.

Какие исследования проводились в НИЦ ВКШ?

Хотя мотивация прихода в 1978 году в Научно-исследовательский центр ВКШ у меня была сугубо житейская, тем не менее, здесь я начал активную социологическую практику. В итоге десятилетие с конца 1970-х годов оказалось для меня периодом интенсивной профессиональной деятельностью в прикладной социологии. Во-первых, я продолжал оставаться членом редколлегии журнала «Социологические исследования» и тесно сотрудничал с его главным редактором, Харчевым Анатолием Георгиевичем, с которым у меня сложились тесные дружеские отношения.

Кроме того, я продолжил активную преподавательскую деятельность на советском и зарубежном факультетах ВКШ, читая на русском и венгерском языках две дисциплины — прикладную социологию и социальную психологию. Я старался поддерживать тесные научные, в основном личные, контакты с социологами академических институтов. Сотрудничал на полставки в НИИ профсоюзов по проблемам наставничества (здесь же работал в области социологии труда один из старейших специалистов — Станислав Флегонтович Фролов, а также по совместительству руководил сектором исследования проблем трудового воспитания А. Харчев).

Масштабные социологические прикладные исследования стали разворачиваться в НИЦ ВКШ до моего прихода. По инициативе и под руководством Владимира Мухачева, приехавшего в Москву из Свердловска (вновь переименован в Екатеринбург), в 1977 году было начато масштабное социологическое исследование (оно продолжалось почти пять лет) по проблемам профессиональной ориентации в образовательных учреждениях и отношению к труду молодых рабочих, интеллигенции, работников сельского хозяйства. Идея этого исследования была заимствована из книги А. Здравомыслова и В. Ядова «Человек и его работа». Это было Всесоюзное исследование, в котором участвовало до 30 исследователей в Москве и не меньше — в регионах страны. Было получено огромное количество интересного эмпирического материала, однако, в связи с началом кризиса в стране в 1980-х годах, уходом из Центра многих исследователей, дальнейшая судьба этих материалов неясна. Опубликована лишь небольшая их часть, в основном в изданиях НИЦ ВКШ.

В последующем в НИЦ ВКШ стали проводиться прикладные исследования по нравственной культуре молодежи (руководил Сергей Плаксий, ныне ректор Независимого университета бизнеса), по актуальным проблемам молодежи для эмпирического обоснования положений первого проекта Закона о молодежи, разработка которого велась под руководством Игоря Ильинского (ныне ректор Московского гуманитарного университета), Джанхан Полыевой (ныне сотрудник аппарата Президента по вопросам образования и науки) и Валерия Лукова (ныне директор Научной части Московского гуманитарного университета). Здесь же в начале 1980-х годов подобное масштабное Всесоюзное исследование было проведено по проблемам политической культуры молодежи под руководством профессоров Юрия Ожегова, Валентины Левичевой, Евгения Леванова. Часть материала опубликована во внутренних изданиях НИЦ ВКШ, судьба остальной части материалов неизвестна.

Чем ты занимался?

Начав работу в НИЦ ВКШ в качестве старшего научного сотрудника (в 1990 году завершил в качестве заведующего Отделом изучения общественного мнения) я получил максимальную свободу действий. Первое крупное самостоятельное исследование я затеял в 1978 году в связи с предстоящим Съездом комсомола. Меня интересовал характер реакций молодежи на проблемы, которые прозвучат в докладе съезду, степень интереса рядовых комсомольцев к этому политическому форуму и дискуссиям, актуализированным подготовкой к съезду. Одним словом, я собирался изучить общественное мнение советской молодежи. Для этого мне предоставили все условия и средства, хотя прямого заказа со стороны ЦК комсомола не было. В этот же период меня познакомили с Михаилом Горшковым (ныне директором Института социологии РАН), являвшимся научным сотрудником на кафедре социальной психологии А.К. Уледова в Академии общественных наук при ЦК КПСС, тогда он завершал работу над кандидатской диссертацией по проблемам общественного мнения. Горшков предложил свое участие в исследовании и высказал мнение о целесообразности снятия не просто среза, а изучения динамики общественного мнения, для чего требовалось три «замера»: за неделю до начала работы форума, в период его работы (четыре-пять дней) и спустя неделю после завершения работы съезда. Я согласился с его предложением. Результаты исследования мы в последующем опубликовали в журнале «Социологические исследования». Измерили ли мы динамику именно общественного мнения? Вряд ли. Скорее мы получили некую картину состояния и формирования

идеологизированного массового сознания советской молодежи. Но эта картина была объективной, т.е. мы сняли эмпирическую картину того, что в реальности рождалось на советской почве [9]. В последующем мы провели вместе с М. Горшковым еще три опроса общественного мнения молодежи в периоды очередных съездов комсомола и два опроса в периоды проведения съездов КПСС. Все эти исследования не имели практических последствий, кроме как удовлетворения нашего научного любопытства. Но в этом нам никто не мешал.

Далее меня заинтересовали вопросы формирования идеологического сознания молодежи в условиях доступности советских и зарубежных телепередач. Такая ситуация складывалась в приграничных зонах СССР. В качестве объекта исследования я выбрал Закарпатскую область, и не только потому, что население здесь мне было хорошо знакомо, но потому, что здесь были общедоступны для просмотра восемь телеканалов: два венгерских, румынский, чешский, словацкий, украинский (из Киева) и два центральных, «московских». Это был не просто опрос населения, но наряду с анкетой, респонденты в течение одной недели ежедневно заполняли хронометрический дневник телезрителя, который в последующем кодировался на основании опубликованных в местных газетах телепрограмм. Были получены интереснейшие результаты, о которых мы ранее не знали. В частности, сравнивая обращения респондентов к телеканалам различных государств, мы определили, что, если все тематические передачи, независимо от канала, или страны, респонденты выбирают только *на основании интереса* к содержанию самой передачи, то выбор политических передач полностью обусловлен *авторитетностью канала*. В связи с этим те, кого интересовали политические передачи советских каналов, смотрели их только по «московскому» каналу, но игнорировали «киевский» канал. Касательно политических передач на зарубежных телеканалах, то и венгры, и румыны, и словаки (проживающие в Закарпатье), предпочитали смотреть венгерский канал, как наиболее достоверный. Активно участвовавший в этом исследовании секретарь Закарпатского обкома комсомола Владимир Гоблик защитил кандидатскую диссертацию в Институте социологии АН СССР, но из-за идеологической «остроты» материала в дальнейшем он не был опубликован и в свете 1990-х годов оказался утерянным.

Первый серьезный социальный заказ, который был мне поручен, исходил от центральных политических органов в 1982 году (ЦК КПСС и ЦК комсомола). Было предложено изучить социальные проблемы строителей Байкало-амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века», планы строителей на будущее. Удивительным было то, что, несмотря на высокий политический заказ, начальник ГлавБАМстроя (статус зам. министра) К.В. Мохортов в течение длительного времени находил повод не пускать интервьюеров на БАМ. В итоге у меня и работников ЦК комсомола состоялась встреча с Мохортовым в Москве. Он ознакомился с анкетой, я пообещал исключить из анкеты острые вопросы о социальных проблемах строителей, после чего Мохортов дал указание руководителям участков БАМа допустить к работе наших интервьюеров. Сознаюсь, никаких сокращений в анкете я не сделал, я знал степень занятости руководителей такого ранга и был уверен, что читать анкету он больше не будет. Исследование было очень трудным и в высшей степени интересным. Со мной вместе исследованием руководил Евгений Белкин, ныне профессор, сотрудник Совета Федерации РФ [10].

Результаты исследования меня поразили. Исходно я думал, что оно необходимо для понимания причин нежелания молодежи ехать на БАМ. Однако обеспеченность

рабочей силой на БАМе оказалась 120-140%. При этом молодежи, приехавшая из европейской части СССР, через четыре-шесть месяцев действительно разрывала контракт и уезжала с БАМа. Это было вызвано низкой зарплатой и отсутствием элементарных бытовых условий для проживания, жили в вагончиках. Оставались рабочие, приехавшие из регионов Сибири и Дальнего Востока. Они занимали места высокооплачиваемых специалистов, зарабатывали «приличные» деньги, их вполне устраивал климат, и они никуда не уезжали. Досрочно уезжавшую со стройки «европейскую» молодежь никто не задерживал. В действительности на стройке они были не нужны. Просто в советские времена социальные фонды предприятиям и стройкам выделялись в соответствии с числом занятых. Средства, высвобожденные за счет досрочно уехавших молодых работников, руководство БАМ под различными «экономическими» предлогами разворовывало.

Поразило меня и то, что, хотя стройка объявлялась и пропагандировалась как интернациональная, в действительности 85% приезжавших на БАМ составляли русские. Например, в составе бригад, приезжавших из республик Средней Азии, русские составляли 95% (из Прибалтики — 60%, Украины — 40% и т.д.). По итогам исследования на БАМе я подготовил информационно-аналитическую записку в ЦК комсомола, которая — предполагалось — должна была быть ужата до 3-х страниц и направлена секретарю ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслову. Однако этого не произошло, так как Суслов скоропостижно скончался. В итоге всю БАМовскую проблематику, за исключением небольших конфликтов между консультантами ЦК партии и ЦК комсомола за остроту материалов исследования, «спустили на тормозах». Меня в это «разбирательство» не втягивали.

Однако я заинтересовался противоречием между информацией об интернациональном составе строителей магистрали, усиленно распространявшейся официальной пропагандой, и выявленной мною высокой национальной однородностью приезжавших отрядов строителей. Тогда я пришел к неожиданному для себя выводу о том, что русские (и «русскоязычные») вытесняются из национальных республик. Сделать это предположение меня стимулировал еще один факт, выявленный в ходе исследования: среди мотивов поездки молодежи на БАМ «стремление заработать деньги» находилось на 3-4 месте, а средняя зарплата, несмотря на тяжелый труд и сложные климатические условия, всего в 1,6 раза была выше, чем у строителей в среднем по стране. В 1983 году я срочно провел еще два аналогичных опроса на «интернациональных» стройках — Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭКе) и в Волгодонске, на строительстве завода «Атоммаш». «Интернациональная» по замыслу структура отрядов строителей, рекрутированных на стройки по комсомольскому призыву, на самом деле здесь также оказалась почти мононациональной — в основном русские или «русскоязычные» (украинцы, белорусы).

Таким образом, уже в 1983 году у меня не осталось сомнений в том, что русская молодежь, и вообще представители титульных национальностей, стали вытесняться из национальных республик. Центральная власть об этом знала и содействовала переселению русских путем финансирования так называемых «ударныхстроек». Я сделал следующий вывод: социальные фонды национальных республик стали скудеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии (детские сады, дома отдыха, профилактории, возможность получить жилье), с трудом хватало только для представителей титульных национальностей; такая ситуация может привести к межнациональным противоречиям и центральная власть постепенно «выводит» из национальных республик русскую молодежь. Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом.

Я высказал свое мнение некоторым представителям ЦК комсомола, с кем совместно работал во время исследования БАМа. Они не стали возражать, но посоветовали на эту тему открыто не рассуждать. Кстати, мысль о распаде СССР ко мне уже приходила и ранее, после окончания аспирантуры, в 1977 году, и основана она была сутобо на сочетании классовой теории Маркса и теории колониальных систем, которую я помнил еще с периода моей работы переводчиком.

Как-то вечером осенью 1977 года, по дороге из Института социологии к метро, я высказал своим друзьям-аспирантам из Института Ягфару Гарипову и Леониду Веревкину мнение о том, что постепенное расширение национальной интеллигенции и бюрократии (служащих) национальных республик, рост численности рабочего класса — одним словом, становление более прогрессивной социальной структуры — приведет к стремлению национальных республик выйти из состава СССР по причине боязни конкуренции, которую они явно не выдерживали с аналогичными представителями социальной структуры метрополии (т.е. России). Я не помню, что мне ответили коллеги, но больше об этом мы не говорили и лишь Ягфар Гарипов напомнил мне об этом разговоре после распада СССР в начале 1990-х годов.

О перспективах СССР мы много беседовали и с А. Харчевым, к которому я часто приходил домой. Уже в начале 1980-х годов он отзывался о перспективах СССР очень пессимистично и считал эту страну отсталой феодальной империей.

Да, я хорошо помню твои построения тех лет. Все выглядело логично, но внутренне согласиться с ними было трудно...

Я продолжил свои исследования. В 1985 году издательство «Молодая гвардия» попросила НИЦ ВКШ провести исследование читательских интересов молодежи; исполнить его поручили мне и я взялся за эту тему с интересом. Вначале были проанализированы все издательские планы «Молодой гвардии» с 1974 по 1985 годы. В те годы утверждалось, что в СССР нет повышения цен, что цены стабильны на все виды товаров народного потребления. После проведенного анализа тематических планов я с удивлением обнаружил, что это не совсем так, начиная с 1975 г. доход «Молодой гвардии» от реализации книг увеличивался не за счет роста числа наименований или роста тиража изданий, а за счет повышения средней цены книги. Я впервые «воочию» увидел один из индикаторов усиления в стране инфляционных процессов и открыто написал об этом в нашем отчете [11]. В исследовании были сделаны прогнозы по поводу возможного изменения структуры читательских интересов населения СССР. Читательские предпочтения сравнивались с данными аналогичных исследований, проведенных социологами Библиотеки им. Ленина (в этот период социологическую лабораторию возглавляла Валерия Дмитриевна Стельмах) а также исследователями 1920-х годов. Наши выводы вызвали большой интерес и бурно обсуждались в НИЦ ВКШ с участием руководства издательства «Молодая гвардия», исследовательской лаборатории библиотеки им. Ленина, НИИ Госкомпечати и Всесоюзного общества книголюбов. Потом я сделал двухчасовой доклад для сотрудников в издательстве «Молодая гвардия».

В это же время, под «координирующим» контролем районных управлений культуры, были разрешены открытые выступления рок-групп. По своей инициативе я провел исследование слушателей первого открытого рок-концерта, состоявшегося в клубе Московского института международных отношений (МГИМО), инициированного известным рок-музыкантом Андреем Макаревичем. В проведении опросов нам помогал известный певец Александр Градский.

Помнится, что ты проводил опросы в преддверии принятия различных законов.

Да, были масштабные исследования за две недели до вступления в силу и спустя год после принятия Закона об алкоголизме, аналогичные исследования по Закону о кооперативах. И много других исследований, в том числе по политической тематике, которые я чаще всего проводил совместно с Михаилом Горшковым. Рассказать о всех исследованиях, проведенных мной в советский период, не хватило бы целого тома.

Но я умудрялся проводить их даже в Монголии, для аспиранта АОН при ЦК КПСС Даждавы и моего аспиранта в ВКШ Пагвы. При визировании анкет для тиражирования я говорил, что они — на бурятском языке, что мне надо провести методический эксперимент, чтобы сравнить, когда респонденты в национальных республиках отвечают откровеннее, на анкеты с русским тестом, или с текстом на национальном языке. Опросы проводились в Монголии самими аспирантами, анкеты возвращены в СССР и здесь обрабатывались. Диссертации были успешно защищены.

Стать узким специалистом в социологии мне так и не удалось по причине своего «разбросанного» стиля работы.

Тебе мешали работать?

Никто этим исследованиям не мешал, наоборот, поддерживали и предоставляли средства для их проведения. Я должен со всей ответственностью сказать, что исследовательское творчество в политических организациях отличалось большой степенью свободы — ни Главлит (цензура), ни политические руководители в дела ученых в целом не вмешивались. Мы даже старались помогать ученым академических институтов в тех организационных вопросах, решение которых для них было затруднительным. Как ни парадоксально, но уже в начале 1980-х годов критика застойности государственной системы в политических образовательных и научных учреждениях звучала более остро и открыто, чем в академических. Не случайно и реформы были инициированы политическими институтами.

«Интеллигентская междуусобица» процветала и в политических научных учреждениях, ибо и здесь было достаточно «климов самгиных», то есть «интеллигентов-половых тряпок», но это была конкурентная борьба за «политический» статус и мало кто претендовал на статус собственно научный. Ведь многие научные сотрудники в политических учреждениях в прошлом были партийными или комсомольскими работниками, по тем или иным причинам для дальнейшей политической карьеры невостребованные. Научное разделение труда происходило более мирно, чем, скажем, в академической системе, а заниматься такими черновыми работами, как прикладные исследования, вообще никто не стремился. Для этого имелись «рабочие лошади», типа меня, не допускавшиеся в «масонскую» элиту.

В начале 1980-х годов у нас с М. Горшковым родилась идея подготовить учебное пособие по прикладной социологии, доступное для широких масс (студентов, политработников, управленцев). Мы с большим энтузиазмом сформировали коллектив авторов и подготовили такой учебник, издав его в «Политиздате» [12].

Наступили новые времена

Как ты реагировал на весь комплекс событий конца 1980-х?

Кризис в государстве достиг высокого уровня и для меня вновь стал актуальным вопрос — как выживать? Я начал искать коммерческие возможности реализации сво-

их социологических навыков и в итоге нашел «хозрасчетные» работы в Министерстве иностранных дел, Союзе советских писателей, комсомольских организациях, на ряде предприятий. Так в 1988 году началась моя карьера предпринимателя. Благо для меня эти отношения не были новшеством — с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 года зарегистрировал свою частную социологическую фирму, которая успешно функционирует по сей день под названием «Центр социального прогнозирования». Пока это «всядная» организация, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры для специализации в области информационных услуг, во всяком случае — для прикладной социологии. Она задумывалась как организация по производству информации по экономическому и политическому маркетингу. Однако выжить только за счет таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного, с точки зрения тематики, характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств. С фондами я работаю очень редко. С 1990 по 2006 год под моим руководством Центр социального прогнозирования выполнил не менее 400 различных проектов.

В 2000 году я подумал, что богатый эмпирический материал, накопленный мной за 20 лет исследований, мог бы послужить повышению социологической грамотности в вузах, где с начала 1990-х годов бывшие преподаватели исторического материализма, научного коммунизма и истории КПСС в массовом порядке стали преподавать социологию. Мой центр на собственные средства стал издавать результаты прошлых и настоящих исследований в форме тематических книг. Уже издано более 40 собственных [13] книг и работ других авторов, в основном по социологии, демографии и статистике. Большой частью они бесплатно рассылаются нами в библиотеки и на кафедры социологии или обществоведения университетов, а также ученым. Это книги, отражающие опыт советской и российской прикладной социологии. Отчасти, изданием своих книг мы преследуем и прагматическую цель — создаем рекламу своему центру.

В 1970-80-х годах я старался поддерживать тесные контакты с известными социологами СССР, так как всегда был рад любой научной коммуникации. Я всегда высоко ценил умение А. Здравомыслова рассуждать о социологических проблемах логично и глубоко аргументированно. Пожалуй, среди всех социологов, с кем я близко знаком, А. Здравомыслов обладает наибольшим талантом скурпулезного аналитика. Мы мало контактировали с В. Ядовым, хотя в годы его «опалы» и ссылки в Институт истории техники и естествознания АН СССР, при моих приездах в Ленинград, я всегда старался его разыскать, посидеть и побеседовать. Не вызывает сомнения, что абсолютное большинство социологов 1970-1990-х годов в методическом отношении профессионально сформировались на учебниках В. Ядова.

Высокая преданность профессиональной этике всегда отличала Б. Фирсова, исключительно коммуникабельного в научном отношении, хорошего организатора и рассказчика. Я всегда высоко ценил широкую научную эрудицию и высокий интеллект И. Кона, приверженность социологии и научную тактичность Т. Заславской. Искреннее уважение у меня всегда вызывал В. Шляпентох, и не потому, что он был моим руководителем в аспирантуре, а потому, что он обладал высоким чувством собственного достоинства и был настоящим ученым-интеллектуалом. Под этим я понимаю то, что он мог допускать ошибки в научном процессе, что естественно для любого ученого, но полностью исключал для себя размен принципа приверженности строгой науке на «околонаучную карьеру». Об этом я написал

в предисловии к книге В. Шляпентоха «Проблемы качества социологической информации» [14], равно как и о коллегах-социологах моего поколения, друзьях, в предисловии к книге Б. Докторова «Отцы-основатели...» [15]. (БД: замечу, книга Владимира Шляпентоха и моя также изданы «Центром социального прогнозирования».)

Твой Центр работает в области прикладной социологии, политических и маркетинговых исследований. Ты много публикуешь, но уклоняешься от участия в социологических «тусовках». Это твоя осознанная линия поведения или просто нет времени?

Постепенно, с отдалением от «академистов», у меня сформировалась следующая позиция в российской исследовательской практике.

Основной целью нашего Центра остается то, что было задумано на стадии его становления: стать «фабрикой» по производству оперативной интеллектуальной информации по экономическому и политическому маркетингу, то есть быть сугубо коммерческой фирмой. Поэтому при первой же возможности, когда экономическая конъюнктура в стране улучшится, центр вообще откажется от исследований научного характера. Я лично считаю, что из науки ушел, в научной коммуникации не участвую и участвовать не собираюсь, занимаюсь коммерцией — производю и продаю информацию. Книжки по итогам эмпирических исследований, которые я за свой счет издаю, это повседневная профессиональная рутина и отношения к науке не имеет. Что касается некоторых моих теоретических изысканий — я их рассматриваю как хобби в свободное от работы время. Речь идет о построении категориальных динамических моделей в социологии с применением диалектической логики и принципа исторической ретроспективы, в основе которой лежит концепция развития общественно-экономических формаций (по Марксу, а по Гегелю — развития цивилизаций). Ряд таких моделей опубликованы в вводных главах моих книг.

Я уже почти два десятилетия не контактирую с академической социологией, однако у меня есть свое представление о советско-российской социологии. По моим наблюдениям, она зарождалась как естественное требование демократизации советского тоталитарного политического режима, как один из предвестников его краха, произошедшего в начале 1990-х годов. Советская прикладная социология — это естественный результат эволюции советского общественно-экономического формирования от феодальной философской теологии к капиталистическому эмпирическому мифотворчеству, во многом также идеологизированному. Не случайно нынешние академические общественно-научные институты России в большой мере состоят из бывших ученых образовательных и исследовательских учреждений коммунистической партии.

Еще в аспирантуре мне как-то В. Шляпентох сказал, что в СССР в прикладной социологии изобретать нечего, так как за рубежом уже все создали. В последующем я неоднократно убеждался в правоте его слов. Даже старшее поколение советских социологов в основном излагало идеи, заимствованные у западных социологов, в некотором смысле адаптировав к советской социальной практике. Что касается советских (или российских — все равно) учебников по социологии, то они представляют собой результат самообразования на основании западных учебников и книг. Естественно, подготовленные советскими социологами учебники сыграли и по сей день играют очень большую роль в подготовке целой плеяды советских (имеются в виду и республики бывшего СССР) и российских социологов. Советские социологи внесли *некоторую* лепту в объяснение социальных процессов в Советском Союзе, и то — весьма условную, так как Союз развалился без их, или даже вопреки их предсказаниям.

Но они ничего не создали в теории социологии, кроме компиляций на основании заимствований из зарубежных работ (такие же компиляции написаны социологами Венгрии, Польши, Болгарии и т.д.). Все то, что было создано стоящего в советской социальной науке — это интерпретация марксизма, теория колониализма, неоколониализма, политэкономия капитализма. Научность здесь была возможна потому, что эти проблемы не касались социалистической системы. Но как только Советский Союз развалился и была создана рыночная Россия, эти теории стали «задевать власти за живое», и их поспешили объявить ненаучными.

Поразительно, но от своих «ранее научных» взглядов отказалось значительное число советских (даже бывших коммунистических) социологов. О какой социологической науке тогда речь? Или науку можно менять как перчатки, в зависимости от «погоды»? Кроме того, с конца 1980-х годов в науку за «научным поплавком» ринулись невостребованные партийные работники и сотрудники силовых структур. В 1990-е годы и по сей день торговля дипломами, в том числе в академической системе, превратилась в грязный бизнес. Ранее уважаемые профессора сейчас с привлечением своих сотрудников и на своих ученых советах за деньги «штампуют» для полуграмотных бюрократов и нуворишей от бизнеса дипломы кандидатов и докторов наук, девальвируя эти ученые степени до нуля. Тогда о каком научном сообществе социологов может идти речь? Такой процесс разложения советской социологии наблюдается с конца 1980-х годов. Именно с этого времени я прекратил тесные контакты с сообществом социологов, предпочитая заниматься бизнесом. Просто вижу в этом больше пользы и для себя, и для российской социологии.

Что, с твоей точки зрения, произошло в 1960-х: возрождение советской социологии или ее второе рождение. На мой взгляд, возрождение предполагает осознанное соединение нового с тем, что было ранее, поиск в прошлом опыте стимулов для создания чего-то нового. Мне представляется, что и освоением советскими социологами достижений их предшественников было настолько слабым, что говорить о возрождении — у нас нет оснований. К тому же, и в силу политико-идеологических обстоятельств, в дореволюционное время задача «возрождения» даже и не формулировалась.

Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов.

Как точнее называть период развития отечественной социологии с начала 60-х до начала 90-х годов: советский период российской социологии или советская социология?

По большому счету оба названия выражают одно и то же. Я не вижу разницы между Советским Союзом и Россией, ни в экономическом, ни в политическом отношении, ни по менталитету населения. СССР — это Россия колониального периода. Сейчас колонии отпали, вот и все. Что касается рынка в России — это только легализованная теневая экономика, которая в советский период была переплетена интересами с коммунистической партийной и государственной бюрократией, а сейчас — с той же коммунистической партийной бюрократией (иной нет во власти) и силовыми структурами. Наверное, различие лишь в том, что в советский период было правомерно говорить о власти плутократии, а сейчас — о власти олигархии. Да и социологи те же самые, только стараются говорить немного по иному. Думаю, правильно говорить о советской социологии.

Теодор Шанин, давно работающий в российской социологии и многое сделавший для ее развития, недавно сказал: «Кризисы... происходят не в социологии, а у социологов, которые, вдруг сцепившись друг с другом, создают кризисные ситуации. ... российский кризис в данную минуту — это больше кризис социологов, чем социологии» [16]. Ты мог бы согласиться с ним?

Я полностью с ним согласен. То, что проявилось как «сколок» среди социологов, на самом деле есть результат растворения социологов как ученых девальвированными в 1990-е годы «научными коммунистами», «истматчиками» «соцполитэкономами», «научными атеистами» и прочей «отрыжкой» от социальной науки, которых власть в 1990-е годы спасла, оставив в вузах в качестве «социологов» и «политологов» для затуманивания мозгов молодняка. К сожалению, профессиональные советские социологи (в том числе академические) были заняты своими проблемами (самоспасением или карьерой в новом «мутном» обществе — все равно) и не удосужились открыто высказать свое мнение о засорении науки апологетами от коммунистической идеологии. Сейчас, окрепнув после первого испуга, новоиспеченные «социологи», коих за 15 лет стало «тьма» в российских вузах, открыто возродили свой облик партийных холуев и коммунистических адептов в виде инициированных ими «околонаучных дряг» советского типа. Я не имею в виду конкретных людей... но лицемерие в социологической профессии, коей они никогда не владели и не владеют по сей день, да и не смогут овладеть, ибо на это не способны генетически.

Все происходящее говорит о том, что у нас, после первого испуга, вновь возродилось и стало легитимным советское массовое сознание, отличительной чертой которого всегда являлись психологическая раздвоенность, холуйство, крепостная заботливость и услужливость, и в связи с последним — склонность к фашизму.

С другой стороны, все это брэнно и пройдет. История не раз «корректировала» это государство (как и другие государства, либо уничтожало их, если население не корректировало свой «шаг» с поступью истории), а посему подкорректирует и в будущем, и все станет на свои места.

Сейчас легко или трудно заниматься в России бизнесом в информационной сфере?

Бизнес, особенно малый и средний «задавили» серьезно. Работать стало очень трудно. Общая атмосфера в стране соответствует брежневскому периоду. Для основной массы населения — это «своя» среда и с точки зрения «подтягивания» тылов вполне объективная. Однако интеллектуальной части общества долго еще ждать, пока «тылы» напьются водки и подтянутся к рынку из состояния иждивенчества... Кстати, это не просто брежневская ситуация, тогда все-таки господствовал «кондовый» социализм. Наша нынешняя ситуация по модели полностью соответствует ситуации в России в 1900-1910-е годы. Это я вычитал в двух замечательных эссе Вебера о политической ситуации в России, написанных им в 1906 году. Поэтому не удивительно, что часть интеллигенции вновь за-

говорила об эмиграции, ссылаясь на бесперспективность будущего своих детей. Логика в этих рассуждениях есть, хотя я продолжаю питать надежду, что все еще сложится по цивилизному.

Исходя из нынешнего «базара» в среде социологов я хвалю сам себя за прозорливость в начале 1990-х годов и свою автономизацию. Не люблю тратить свое время на бесплодные дискуссии. Что касается недавних скандалов в среде социологов — это верный признак начала гибели бывших «коммунаж», которые хотя и оккупировали власть в социологии, однако, явно находясь «не в своей теме», чувствуют себя и ущербными, и уязвимыми, а по-сему — обреченными на гибель. Более того, на этот раз реакция, кстати, не демократов, а их собственных нынешних покровителей, будет более жесткой, чем в начале 1990-х годов, по причине острой конкуренции между ними самими. Дело в том, что изменения, произошедшие в производственных отношениях, неминуемо приведут к полному кризису институтов надстройки и этот кризис только предстоит. Иное дело, сколько пройдет до этого времени. Думаю — лет пять-семь.

Примечания:

1. В.Э. Шляпентох: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1- 13.
2. Здравомыслов А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2-10.
3. Елена Петренко: «Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...» // Социальная реальность. 2007. №2. С. 79-95.
4. В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2-11; 2005. №4. С. 2-10.
5. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2-13.
6. Заславская Т.И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С.
7. Б.М.Фирсов: «...О себе и своем разномыслии...». // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2-12.
8. Б.З. Докторов «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. №3. С. 2-13.
9. Результаты этого и других исследований, проведенных мной в советский период, довольно обстоятельно изложены в серии моих книг: Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М.: Academia, 2001; Шереги Ф.Э. Социология права. Прикладные исследования С.-Петербург: Алетейя, 2002; Шереги Ф.Э., Абрисимова Е.А. Правовые инициативы некоммерческих организаций России. М.: Университет, 2002; Шереги Ф.Э. Социология предпринимательства: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2002; Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2003; Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М.: ЦСП, 2003; Шереги Ф.Э. Социология девиации. Прикладные исследования. М.: ЦСП, 2004; Шереги Ф.Э., Зайцев С.Б. Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи. М.: Моск. гор. фонд поддержки школьного книгоиздания, 2004; Арефьев А.Л., Чепурных Е.Е., Шереги Ф.Э. Международная деятельность в области образования. Практика, исследования, анализ. М.: ЦСП, 2005; Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Наука в России. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2006; Шереги Ф.Э., Д.Л. Константиновский, А.Л. Арефьев. Взаимодействие российских вузов с международными фондами и организациями. М.: ЦСП, 2006.
10. Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: «Мысль», 1985.
11. Часть материалов этого исследования была опубликована в журнале «Социологические исследования», а в последующем, в качестве раздела изданной мной книги «Социология предпринимательства».
12. Как провести социологическое исследование. Коллективная монография. Под редакцией Горшкова М.К. и Шереги Ф.Э., 2-е дополненное издание. М.: Политиздат, 1990.
13. Некоторые из этих книг указаны в пункте 9.
14. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006.
15. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006.
16. Шанин Т. «Ректор не должен занимать свой пост пожизненно». <<http://www.polit.ru/analytics/2007/08/23/mvshsen.html>>

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Началась подписка на журнал «Телескоп» на 2008 год.

Стоимость годовой подписки (6 номеров) — 600 рублей, НДС не облагается.

В стоимость подписки входит курьерская доставка журнала.

(для иногородних подписчиков в России стоимость подписки 810 рублей; доставка заказным письмом).

Подписку можно оформить в редакции журнала (обращаться к редактору журнала Михаилу Илле).

Так же подписаться можно по каталогу Роспечати «Пресса России» (выписка по СПб и Ленобласти); индекс издания — 78753